

Оглавление

Пролог	9
--------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«НЕЗНАНИЕ — ЭТО СИЛА»

Глава 1. Семейная Библия	23
Глава 2. «По канату над выгребной ямой...»	49
Глава 3. «Нечистая совесть»	104

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВОЙНА — ЭТО МИР»

Глава 4. Мятёжный пессимист	135
Глава 5. Шуры энд муры	190
Глава 6. Путь к причалу, которого не было	242
Глава 7. Рядовой свободы	288
Глава 8. «Беглец из лагерей победителей»	341

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО»

Глава 9. «Адвокат дьявола»	411
Глава 10. Сказка... о «сказке»	466
Глава 11. «Я зашел слишком далеко...»	555
Глава 12. «Пророк бедствий»	616

Эпилог	691
--------------	-----

Примечания	716
Указатель имен	744
Указатель произведений	773
Библиография	777

*Марку Маркину —
покойному другу и наставнику*

Если ты в меньшинстве — и даже в единственном числе, — это не значит, что ты безумен. Есть правда и есть неправда, и, если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен...

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

Пролог

«Быть честным и остаться в живых — это почти невозможно». Вот фраза, после которой не знаешь даже, как и жить. Дальше — жить!.. Разве не так?..

Оруэлл сказал это про всё — и за всё. Про нас, про мир за окном, про глобальную политику и про любовь двоих, про вечное искусство и личную войну его — литературу. А ровно через 63 года 4 месяца и 17 дней после этих слов, майским утром 2013 года, на бульвар Лас Рамблас ступил седоватый и строгий британец...

Барселона. Готический квартал. Весна, солнце, выбелившее камни, гора Тибидабо, нависающая над мегаполисом, с которой Сатана показывал землю Христу, магазинчики с яркими маркизами, кафешки на дне узких улиц, рюмочная «Иуда», тапас-бары с терпким тинто, шляпки и шлепанцы туристов, и — запахи: запахи кофе, алкоголя, пота, гашиша, парфюмерии, бензина, ароматы амбиций, безучастности, наглости, любопытства, тайного секса и какой-то международной уличной гнильцы. Художники, проститутки, продавцы, попрошайки, интеллектуалы, пьянчуги, — и ленивые парни с задиристо задранными сигаре-

тами в зубах, целлулоидные девицы в жмущих со всех сторон маечках — стайки, кучкующиеся на пласа Трипи, рядом со скульптурой Леандре Кристофоля, увенчанной деревянным шаром. Всё это вряд ли охватывал глаз ошалевшего британца. Хотя интересовали его места вполне конкретные. Кафе «Мокка», отели «Континенталь» и «Фалькон», кинотеатр «Полиорама», — все те места, где воевали когда-то его отец и мать. «Здесь всё сохранилось, — торопливо твердил ему Ник Ллойд, местный историк, — всё цело, но об этом, увы, никто не знает...»

Никто в качающихся толпах не помнил, что против кафе «Мокка» выросла когда-то баррикада, за которой, перебегая улицу под обстрелом, прятался отец британца. Что в отеле «Колон» располагался штаб коммунистов, там в окне был выставлен пулемет; а в гостинице «Риволи» — исполком ПОУМ, испанской Объединенной рабочей марксистской партии, той, которая буквально в несколько дней стала вдруг «пятой колонной». В «Риволи» исполкомовцев и брали — всех и сразу! — чтобы в считанные дни убить в застенках испанской полиции и нашего НКВД. Что, наконец, с бликующей крыши «Полиорамы» его отец трое суток контролировал тревожную ситуацию на опустевших вмиг улицах. Истоптанный, веселящийся город не хотел даже помнить, что древняя Треугольная площадь, Трипи, давно переименована в честь отца англичанина (так гласили таблички на стенах!)*. И уж, конечно, мало кто догадывался, что деревянный шар, венчающий скульптуру Кристофоля, олицетворял, представьте, «глаз» из книги отца, глаз, который вечно следит за тобой. «Большой Брат видит тебя»!..

«Быть честным и остаться в живых...» Вспоминал ли эту фразу англичанин? Видел ли в устьях улиц Эскудальерс

---

* Площадь Трипи в Барселоне была переименована в честь Дж. Оруэлла в 1998 г.

и Авиньон тень отца своего? Долговязого нескладного человека с забинтованной шеей, в куртке, давно превращенной в лохмотья, и в ботинках, от которых остались одни шнурки? Именно так выглядел лейтенант дивизии им. Ленина, записанный в ополчении как бакалейщик Эрик Блэр, когда в июне 1937 года возник в этом городе. Немногие знали тогда, что это — Джордж Оруэлл. Теперь следы писателя, его дороги и тропки искал приемный сын, Ричард Блэр. Искал в канун 110-летия Оруэлла. Словно хотел вернуться в те дни, когда тот буквально родился второй раз. И как гражданин мира родился, и как боец, и — как писатель...

«Быть честным и остаться в живых...» Он остался и честным, и живым. «Как писатель, он владеет XX веком, — написал о нем уже в наше время Кристофер Хитченс. — В этом качестве он противостоял ортодоксии и деспотизму... вооруженный лишь потрепанной печатной машинкой и упорством характера». ¹ «Он и ныне преследует нас, — удивлялся в дни его 110-летия Джеффри Уиткрофт. — Его цитируют, на него молятся политики и полемисты диаметрально противоположных убеждений». ² Реально «его ногти часто бывали грязны, его банковский счет постоянно был пуст, а здоровье было подорвано туберкулезом», — напишет в год юбилея Оруэлла американец Уильям Джиральди, но, назвав его «мудрецом XX века», вдруг заявит: Оруэлл не писатель, «он — Джордж Провидец», да просто «Святой Джордж». ³

Святой! Об этом говорили и современники Оруэлла. «Он кристально честен, он не способен на лицемерие, — писал в 1943 году Рашбрук Уильямс, директор «Восточной службы Биби-си», где одно время служил Оруэлл, — поэтому в прежние времена его либо причислили бы к лику святых, либо сожгли бы на костре». ⁴ Святой, ибо, как давно подсчитали специалисты, самым частым словом в его публицистике — а я бы сказал, ключевым! — было слово *descentu*, «порядочность». И, кстати, в псевдониме его имя Джордж — действительно имя святого

покровителя Англии, а фамилия — Оруэлл — всего лишь название речушки его детства, где он любил ловить рыбу.

...С этого места — с речушки, рыбы, безмятежного детства — можно было бы и начать книгу: нехитрый смысловый мостик к этому, как видите, переброшен. Но есть два, нет, пожалуй, три обстоятельства, которые хотелось бы обговорить в начале. Что называется, «на берегу».

Во-первых, хочу признаться: несмотря на «святость» Оруэлла, у меня не было и нет сусального, идолопоклоннического отношения к нему. Во-вторых, считаю необходимым уже сейчас сказать о задачах и целях, которые ставил перед собой, взявшись писать эту книгу. А в-третьих (раз уж это биография писателя, выходящая в России), хотелось бы разобраться, в каком смысле его можно было бы назвать «русским Оруэллом» — рассказать, что значили книги и имя его для нас и в сталинскую эпоху, и в брежневский застой, и в так называемую перестройку. Не многие ведь знают, что когда-то в Париже он работал посудомоем как раз в *русском* ресторане, что в друзьях его ходили именно *русские*, что одно время он был даже влюблен в *русскую* писательницу-эмигрантку, и что лично — вообразите! — переписывался с Москвой — с «Иностранкой», с журналом, который назывался тогда «Интернациональная литература». «Хотя он и был очень английским писателем, в его застенчивой и упрямой духовности было что-то, не имеющее аналогий у нас. Мне приходит на память русское имя — Антон Чехов, человек, тоже плывший против течения и тоже задохнувшийся так рано»,⁵ — пишет английский автор. Другой его соотечественник касается, — сообщает В.А.Чаликова, — еще более сокровенного для нас: «Не знавший русского языка, он иногда казался мне русским, и не потому только, что боготворил Достоевского... Он страдал за русскую трагедию... Он постоянно говорил о Сталине, о репрессиях, о голоде, об исчезающих людях. Но и когда не говорил, мне казалось, что он думает об этом. Я убежден: ...не было ни одного дня, когда он об этом не думал бы...»⁶

Знали мы это? Да нет, конечно. Но зато точно знали, что на полвека он был намертво запрещен в СССР, что за его книги преследовали, а за передачу их «из рук в руки», за распространение давали даже сроки. Сначала — по зловещей 58-й статье, а затем — по приснопамятной 70-й, «антисоветская агитация и пропаганда». Семь лет лагерей на первый раз, и десять — если повторно. Это всего лишь за книги, за бумажные листики...

Для меня «русский Оруэлл» начался в далекие шестидесятые годы прошлого уже столетия, когда его именовали даже не Оруэлл, а резко и хлестко — «Орвэлл». Мне и сейчас это прозвище нравится больше.

Да, раньше имя произносилось легко, только вот поминать его было опасно. Я услышал о нем в 1969-м, когда был принят на работу в «Смену» — комсомольскую газету Ленинграда. Конечно, и в ней, среди трех десятков журналистов, имя это знали единицы — лобастые да «продвинутые»: те, кто владел английским, кому удалось побывать за границей, кто интересовался политикой или литературой. Именно среди «продвинутых» уже тогда бродил в самиздате перевод романа «1984», который давали читать на ночь. Я отлично помню, как дверь в редакционном кабинете запиралась на ключ, в оттянутый диск телефона вставлялся карандаш (так якобы можно было избежать «прослушки») и — начинался вполголоса разговор: невообразимый, запредельный, невозможный до ужаса. Сердце колотилось, когда ты узнавал, что твоя газета — всего лишь часть огромного «Министерства Правды». Что «выключенный» телефон — это защита не от КГБ — от «Большого Брата», который «видит» всех на свете. Что Сталин, Хрущев и бессменный уже Брежнев — это «хряки Наполеон и Снежок», а попросту — властолюбивые свиньи (тут сердце просто выпрыгивало из груди!). И до кружения головы завораживали какие-то уж совсем невероятные парадоксы тайной книги: «Свобода — это рабство!», «Война — это мир!»... «С ума сойти, да что же это за книги такие?» — вываливался я, будто

пьяный, из кабинета. Да кто же он, этот автор, этот «таинственный призрак»?..

Лишь с годами узнавалось: Оруэлл — великий английский романист, на родине уже выпущены 20 томов его сочинений, он переведен на 65 языков, по книгам его давно и не раз поставлены фильмы, а сам он включен даже в школьные программы Англии и Америки. И, наконец, что он со своими атомными книгами давно стал своеобразным паролем думающих людей, знаменем сопротивления любой власти, даже Дон Кихотом униженного и оскорбленного человечества.

О нем, об Оруэлле, написано сегодня много больше его собственных томов. Дня не проходит, чтобы мировая пресса не использовала бы его мысли, слова, тавровые термины, касающиеся всего и вся — от глобальной политики до компьютерной преступности. «Большой Брат», «полиция мысли», «ново-яз» — эти слова звучат ныне и громче, и актуальней, нежели в его время. Но и он, и его жизнь, и даже репутация его после смерти — всё и поныне противоречиво и имеет двойной, если не тройной смысл. Он не вмещается ни в одну из одежд даже признанных пророков XX века. Ни в белую хламиду Махатмы Ганди, ни в гражданский костюм Жан-Поля Сартра (которого он за год до смерти в одном из писем назвал «пустозвоном»⁷), ни в полувойенный френч Солженицына, ни даже в цветастые жилетки соотечественника — фантаста Герберта Уэллса. «На него, как на “своего”, претендовали... все, — написал А.С.Кустарёв, один из русских исследователей творчества писателя. — Консерваторы-традиционалисты и неоконсерваторы. Правые и левые либералы. Демосоциалисты, еврокоммунисты, анархисты, персоналисты, гуманисты. Даже католики... В советском обществе Оруэлл был святым в диссидентских кругах. В последний момент перед перестройкой в культе Оруэлла попытались принять участие даже... традиционные коммунисты... Это не делает чести претендентам, — заканчивает Кустарёв, — но делает честь самому Оруэллу».⁸ Оруэлл и сам сказал как-то,

что верным признаком значения писателя может быть то, «сколь много людей из соперничающих лагерей жаждут привлечь его на свою сторону». Да, он был, если можно так сказать, сплошным «анти»: первый роман его стал антиколониальным, первая книга о войне — антимилитаристской, первая сказка — антикоммунистической. Он весь состоял из противоречий, и вся жизнь его — в этом и трудность пишущих о нем — состояла из несопоставимостей. Учился в аристократическом Итоне, но был весьма скромного происхождения; служил полицейским в Бирме, но был до мозга костей интеллигентом; звал очистительную революцию на чопорную Англию, но сам же и разоблачал ее; боролся с капитализмом, но, как предположили после смерти его, якобы сдавал «капиталу» тех, кто сочувствовал коммунизму. Он предвидел даже нынешнюю «сексуальную революцию»: и гомофилию, и гомофобию, все эти браки лесбиянок и «голубых», педофилию и легализацию инцестов. «Мы отменим оргазм, — говорил главный иезуит его последнего романа О'Брайен. — Наши неврологи работают над этим...» То есть еще в 1940-х предупреждал: «Сексология — это форма вмешательства “маленьких братцев” в интимную жизнь... идеология, разрушающая утопию интимной жизни — сокровенную мечту человечества». Наконец, романы писал о простых и для простых людей (он хотел сделать прозу «прозрачной, как оконное стекло»), а очерки и эссе, коих набралось на десяток увесистых томов, — о сложных и высоких темах... Сплошные противоречия. И главное из них — противоречие между Человеком и Богом: «Может ли человек, не любящий ближнего своего, которого он видит, любить Бога, которого он не видит?...» Разве это не вопрос к каждому из нас?..

С моей стороны братья за книгу об Оруэлле — чистой воды авантюра. На Западе о нем изданы десятки книг, в том числе биографий, среди которых семь, без сомнения, выделяются: «Кристалльный дух» Дж. Вудкока (1966), «Неизвестный Оруэлл» П. Стански и У. Абрахамса (1972), «Джордж Оруэлл:

жизнь» Б.Крика (1980), «Оруэлл: официальная биография» М.Шелдена (1991) и опять — «Джордж Оруэлл: жизнь» Д.Дж.Тейлора (2003), «Оруэлл» С.Лукаса (2003) и «Джордж Оруэлл» Г.Боукера (2003). Правда, по замечанию одного из биографов, Тейлора, несмотря на уйму материалов о нем, многое в жизни Оруэлла до сих пор пестрит белыми пятнами, или, как выразился Тейлор, «несудоходно». А ведь помимо биографий, об Оруэлле написаны десятки воспоминаний родных, близких женщин, коллег и соратников, и одни из лучших — его давними друзьями Ричардом Рисом, Малькольмом Маггериджем и Тоско Файвелом. Кроме того, в 1998-м профессором Питером Дэвисоном было издано сначала полное собрание сочинений Оруэлла в двадцати томах, потом, в 2009-м, — его дневники, а затем, в 2010-м, — собрание писем. Наконец, о нем написан Дэвидом Каутом просто настоящий роман, поставлена, вообразите, опера по его последней книге и даже создано продолжение «Скотного двора». Четыре раза экранизировали роман Оруэлла «1984» (в 1956, 1970, 1984 и 2009 годах) и дважды — «Скотный двор» (в 1954 и 1999 году). Я уж не говорю о сотнях исследователей, писавших о нем: о Д.Роддене, К.Хитченсе, Д.Мейерсе, Р.Хоггарте, Д.Стрейчи, Р.Левисе и П.Хубере, Д.Колдере и С.Уадхамсе, Б.Оксли и Р.Ли, К.Олдритте и С.Гринблатте, Х.Уильяме и У.Стейнхоффе, и скольких еще... У нас, впрочем, если не считать статей о нем, а также первой докторской диссертации В.Г.Мосиной (Науменко) и сборника работ о писателе блистательной В.А.Чаликовой, к сегодняшнему дню, и причем совсем недавно, вышли лишь две книги о нем: «Джордж Оруэлл (Эрик Блэр). Жизнь, труд, время», которую в 2014 году выпустили Ю.Фельштинский и Г.Чернявский, а также книга-биография писателя питерской журналистки Марии Карп.⁹

Вообще, если разбираться строго, писать биографии — дело безнадежное. Биографический жанр, как заметил один из профессионалов, — это «профессия-наука-искусство невозмож-

ного». А Клод Леви-Стросс, признавая некие достоинства биографий, писал, что «выбор, стоящий перед историком, всегда один и тот же — история, которая больше сообщает, нежели поясняет, или же история, которая больше поясняет, нежели сообщает».¹⁰ Вот между этими жерновами жанра и хотелось бы уместиться. А соль характера искать как раз между «донкихотством» Оруэлла и несовместимым с ним здравым смыслом, которым Оруэлл, пишут, обладал «в изобилии». Он ведь, этот старомодный человек, чьи тонкие, будто нарисованные карандашом усики и твидовое «обмундирование» придавали ему вид отставного полковника, был, как нарекают его, и Дон Кихотом, и — одновременно — Санчо Пансой. И, несмотря на старомодность и выцветшую академичность, оказался настолько впереди своего времени, что мы лишь сейчас «догоняем» его. Да и догоняем ли?..

Наконец, второй задачей, кроме рассказа о «русском Оруэлле», была попытка выявить и показать явную связь между писательством его и реальной борьбой с миром. Казус Оруэлла. Писатель — и воин.

Эта книга, если можно так сказать, с «открытым финалом». Об Оруэлле и напишут, и переведут на русский не одну еще биографию и не одно исследование. Он долго будет актуален. Мир, который он воображал и описывал, уже реально бушует вокруг нас, и ныне нам всё понятнее «парадокс Оруэлла»: то, что он вечно выступал в поход против социализма, будучи вечно уверенным как раз в конечном успехе его. Да, мы четко видим сегодня то, что он предсказал еще в 1941-м, — тот исторический «курбет», в силу которого движение к диктатуре даже в свободных, казалось бы, странах «начнется не во времена упадка, — как пишет В.Чаликова, — а в момент наивысшего материального прогресса», и не потому, что «прогресс покажет свою изнанку, а из-за особенностей психической природы лидеров прогресса»¹¹ — людей особо сообразительных, умелых, практичных, властных и жестоких, для которых